

произвести свои опыты в XX веке и опустошить половину планеты; и вот после 70 лет утверждается, что это была ошибка». Объединяя фашизм и коммунизм, Йордан Плевнеш прослеживает в романе взаимосвязь между колыбелью и могилой, ребенком и камнем/деревом. Бесплодие Цветы Михайловой трактуется как бесплодность попыток ее супруга, идеолога Восьмого чуда света, который лелеет мысль «построить из Камня», «оставить бессмертный след в Мире», родить ребенка, и вызывает в сознании читателя известное выражение: «Настоящий мужчина должен посадить дерево, построить дом и вырастить сына».

Упоминание о каменных сооружениях, литой бронзе, царственных пирамидах отсылает к размышлениям о первом чуде света (пирамида Хеопса в Египте) и о поэтике тридцатой оды Горация («К Мельпомене»), особенно любимой и активно переводимой русскими писателями. Прослеживаемая в романе параллель между Колыбелью мира и Вавилонской башней, с одной стороны, подчеркивает интертекстуальность поэтики Й. Плевнеша, а с другой – заостряет политические и социальные конфликты рубежа XX–XXI вв., демонстрируя размывание границ между утопией и антиутопией.

В. Г. Зусман

доктор филол. наук (Нижегород)

**Случайность в «Московском дневнике» В. Бенямина
(О дополнительных штрихах к пониманию
социалистической революции)**

Исследователи интуитивно и очень давно размышляли об особой роли «случая» и «случайности» в науке и искусстве. Так, выдающийся математик Пуанкаре (1854-1912) полагал, что «случай имеет место, когда в условиях нестабильного равновесия очень слабые причины оказывают очень сильное воздействие». В статье «Как делать стихи» (1926) В. Маяковский писал о том, что не знает, откуда берется

«основной гул-ритм». Очевидно, что внезапно и немотивированно возникающий «гул-ритм» («слабая причина») способен оказать самое «сильное воздействие».

В «Московском дневнике» (1926-1927) В. Бенямина (1892-1940) речь идет, прежде всего, о революции. Случайность входит в фактуру этого дневника, во многом определяя авторские ощущения от революционных событий.

Известно, что, приехав в Москву, В. Бенямин надеялся глубже понять социалистическую революцию. Однако в самой первой дневниковой записи от 9 декабря 1926 г. вдруг проявляется смутное чувство печали: «Тогда я прошелся полчаса туда-сюда по Тверской, осторожно пытаюсь разбирать по буквам вывески и ступать по льду. Потом я вернулся очень усталый (и, вероятно, печальный) в свой номер». Почти сразу «слабые причины» – «лед на Тверской», невозможность понять уличные вывески – порождают у автора печальное и пока невербализованное предчувствие, что московскую постреволюционную жизнь он не сможет понять и принять. Пока рассказчик не уверен в окончательности приговора: нельзя принять революцию, в коммунистическую партию Германии вступить нельзя, нельзя соединиться с любимой женщиной. Моментально возникший, смутно выраженный диссонанс окажет на В. Бенямина «очень сильное воздействие». Случайность окажется реализованной вероятностью.

Е. Р. Иванова

доктор филол. наук (Орск)

Иоганнес Бехер и Владимир Маяковский: поэты революции

Октябрьская революция 1917 г., ставшая событием глобального масштаба, изменила не только политическую картину мира, но и литературу. В Германии этот политический переворот вызвал бурную реакцию: многие немецкие поэты и